

Чудо по имени Жорж Санд

*(вечер в литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МУК ТБК
к 205-летию со дня рождения французской писательницы (1804 -1876) и
160-летию со дня смерти польского музыканта и композитора
Фредерика Шопена)*

Сентябрь встречает нас свежим арбузным ароматом, началом учебного года и ожиданием новых праздничных событий в библиотеках.

Сожалея о расставании с летом, осенью библиотека «Фолиант» тем не менее обещает своим читателям массу приятных сюрпризов и ярких знакомств. Некоторые из них запомнятся надолго.

Так, например, 8 сентября в литературном клубе «Прикосновение» состоялся вечер «Чудо по имени Жорж Санд». Он был посвящен 205-летию со дня рождения известной французской писательницы, автора романов «Консуэло», «Индиана», «Орас», «Жак», «Валентина», «Лелия» «Лукреция Флориони» и многих других.

Книгами баронессы Авроры Дюдеван, которая выбрала себе мужской псевдоним Жорж Санд, зачитывалась вся Франция, а следом за ней - весь мир. При этом каждая новая книга в светских салонах столицы и в провинции вызвала споры не меньшие, чем сам автор.

Сначала говорили о том, что Аврора посмела оставить нелюбимого мужа и уехать в Париж, где начала вести самостоятельную независимую жизнь. Подумать только! Сколько других женщин терпит нелюбимых мужей, а эта осмелилась утверждать, что жизнь без любви греховна! Что только искреннее и глубокое чувство служит основой человеческих отношений, а все остальное - условности.

Потом судачили о том, отчего у Авроры друзей среди мужчин больше, чем любовников? Почему она не может найти себе равного по уму и таланту? Трудно перечислить, в скольких домах Парижа с удовольствием принимали Жорж Санд, но сколько дверей навсегда были закрыты для нее.

Пожалуй, трудно найти писательницу, которая сравнялась бы с ней славой и талантом. Почему же современники считали Жорж Санд непостоянной и бессердечной, называли лесбиянкой, обвиняли в сексуальной связи с сыном, упрекали в том, что все ее любовники были намного моложе ее и т.д.

Так ли это? На литературном вечере в библиотеке читатели узнали о том, почему многие известные личности такие, как Альфред де Мюсси, Оноре де Бальзак, Ференц Лист, Проспер Мериме мечтали о встрече с Жорж Санд.

Прикоснулись к истории любви писательницы и всемирно известного музыканта Фредерика Шопена, который последние годы своей жизни жил просто чудом. И чудо это называлось - Жорж Санд, которая стала ему не только подругой и музой, но и наставницей, матерью, сиделкой. Кто знает, сколько лет прожил бы композитор, если бы в свое время не принял приглашение Жорж Санд и не приехал в Ноан?

Послушав о жизни и творчестве героини, познакомившись с литературоведческими книгами с выставки, люди поняли, какой поразительной, неординарной личностью была эта женщина! Как удачно совмещался в ней талант с красотой и женским очарованием. Как до обидного мало придавала она значения своим литературным заслугам!

Познакомившись с датами и фактами биографии Жорж Санд, вы тоже сможете поразмыслить и ответить на вопрос, почему ее жизнь складывалась так, а не иначе. И почему на литературном небосклоне звезда великой Жорж Санд и сегодня горит необычайно ярко.

Итак...

Если бы не настойчивые уговоры Ференца Листа, его друг **Фредерик Шопен**, новый кумир парижских салонов, ни за что не поехал бы к Авроре Дюдеван в ее родовой замок, находившийся в городке Ноан.

Шокирующее поведение этой женщины вызывало у Шопена чувство раздражения. Аврора не желала мириться с лживыми правилами морали, и шепетильного музыканта коробили рассказы о ней. Ференц же очень ценил писательницу, без устали хвалил ее музыкальный вкус и говорил, что никто не умеет слушать так, как она... Мягкий и деликатный Фредерик, наконец, уступил и принял приглашение баронессы, но всю дорогу до замка пребывал в состоянии легкого недовольства.

Чья кровь сильнее - бабушки-аристократки или матери-простолюдинки?

Шопен знал, что Аврора Дюдеван, в девичестве Дюпен, могла бы похвастаться своим происхождением. В ее жилах текла королевская кровь. Ее прабабка, блистательная и прекрасная Аврора фон Кенингсмарк (в честь которой праправнучка и была названа), стала любовницей короля Польши Фридриха-Августа. Незаконный сын этой четы Морис Саксонский, прадед Жорж Санд, разбил бесчисленное количество сердец по всей Европе. О его любовницах можно было бы написать не один роман.

Зато бабушку Авроры ни один человек не мог бы упрекнуть ни в одном недостойном поступке. Юная Аврора могла бы последовать ее примеру. Но она выбрала иной путь и предпочитала рассказывать о своей матери - бродячей актрисе Софии-Виктории, на которой имел счастье жениться отпрыск благородного семейства Морис де Франнелей, адъютант наполеоновского генерала.

Дочь родилась спустя месяц после свадьбы. Детство Авроры прошло среди непримиримой вражды ее матери со свекровью. А когда девочке исполнилось четыре года, отец умер в результате падения с лошади. Шел 1808 год, женщины продолжали выяснять отношения уже без Мориса. Аврора, как победный выпел, переходила от одной враждующей стороны к другой, пока, наконец, мать, занятая личными проблемами, не удалилась в Париж, оставив крошку на попечение бабушки. Две сильные женщины так и не смогли ужиться под одной крышей: каждая претендовала на лидерство.

Воспитанием девушки занялась бабушка. Гувернер, которого она наняла, заложил глубокие основы ее образования. Благодаря ему девочка освоила естественные науки и латынь.

Разрыв между матерью и бабушкой Аврора переносила очень тяжело. Когда ей было 14 лет, бабушка поставила внучку на колени возле своей кровати и рассказала все, что думала о себе, своем сыне и безнравственной, развратной снохе - «этой погибшей женщине». Бедная девочка пережила шок, услышав откровения бабушки. Это была первая серьезная и глубокая душевная травма.

Аврора забросила учение, стала бунтовать, за что и была «сослана» в женский Августинский монастырь, где учились девушки из лучших семейств Франции

Этому заведению Аврора была обязана большими и счастливыми переменами в себе. Здесь, благодаря учтивости монахинь и изучению правил хорошего тона, у нее выработались очаровательные манеры, которые впоследствии придавали всем ее дерзким выходкам изящество и легкость. И своим отменным английским она обязана пребыванию у монахинь английского аббатства.

Аврора со смехом рассказывала, что ей не раз давали понять, что надеяться на блестящую партию не стоит. Вряд ли достойный человек из хорошего семейства решит жениться на той, в чьих жилах течет кровь матери-простолюдинки. С другой стороны, богатая наследница привлекала многих охотников за приданым.

Бабушка умерла, когда Авроре еще не исполнилось семнадцати, и в фамильное имение Дюпен – Ноан - въехала торжествующая сноха. Она жаждала, наконец, восстановить свои погрязшие права не только на семейное богатство, но и на дочь. Весной 1832 года мать хотела принудить Аврору выйти замуж за человека, одна мысль о котором была ей ненавистна. Конфликт едва не завершился трагически. Дочь заболела: от непрерывно подавляемых вспышек гнева у нее начались спазмы желудка, она отказывалась от пищи.

Вероятно, самодурство матери подтолкнуло девушку к сближению с молодым человеком - **Казимиром Дюдеваном**. Первые годы после свадьбы прошли относительно спокойно. Аврора превратилась в образцовую хозяйку дома в Ноане. А в 1823 году у супругов родился сын Морис.

Кто он ей и кто она ему?

Ко времени встречи с Жорж Санд Шопен уже был известным композитором. Он думал о том, что вряд ли поездка к баронессе настолько запятнает его репутацию, что ему откажут в домах тех, от кого зависело его существование. Что непростительно женщине, то для мужчины считается доблестью.

В замке Шопена и Листа встретила тишина. Хозяйка находилась в рабочем кабинете и не собиралась выходить оттуда, не закончив положенных двадцати страниц. Так сообщила служанка, проводив гостей в подготовленные для них комнаты.

Фредерик поморщился: «А где же вдохновение, где же творческий пыл? Ремесленница... Как такое существо может чувствовать музыку?». В ожидании он и не заметил, как уснул. Но вот всех приглашали к ужину, и они спустились в столовую. Шопен не видел, когда вошла хозяйка, но почувствовал ее появление по тому, как что-то изменилось в общей атмосфере.

Ференц не успел подойти к своему другу, его опередила баронесса. Держа сигарету с мундштуком в левой руке, она приблизилась к Фредерику и первой поздоровалась с ним. Он хотел оставаться сдержанным и холодным. Но глаза этой женщины - такие темные, такие глубокие и такие бархатистые, смотрели на него так пристально, что ему показалось, будто он тонет в их непроглядной глубине.

Ей исполнилось тридцать семь, она была его старше почти на десять лет. Эта женщина, любившая кататься верхом в мужской одежде и купаться в холодной воде, поражала силой и здоровьем. В ней не было ничего от того воображаемого идеала, который, как считал Фредерик, способен взволновать его: ни томности, ни задумчивости, ни романтической бледности. Но сердце его вдруг забилося, как не билось уже давно, даже когда он сочинял.

После ужина все встали и пошли в гостиную. Первым за фортепиано сел Лист. Давний друг дома, он не заставлял себя долго упрашивать. Полились быстрые легкие звуки. Одна картина сменяла другую. И Шопен внимательным взглядом обежал всех, кто сидел в комнате.

Одни полузакрыли глаза, другие слегка склонили голову... Аврора подалась чуть-чуть вперед. Казалось, она слушает Листа не ушами, а глазами. В них отражалось все! И Шопен понял, что она действительно понимает, она чувствует все, что хочет сказать Лист.

Когда Лист встал из-за фортепиано, Аврора перевела бархатистые глаза на Шопена, и он подчинился ее молчаливой просьбе.

Она села так, чтобы одновременно видеть и его руки, и лицо. Фредерик взял первые такты... и погрузился в волшебный мир, единственный мир, который увлекал его. Но сегодня он был там не один! И играл, как никогда не играл до этого!

Аврора молча смотрела на него, не отрываясь. Ее глаза сверкали, на них навернулись слезы. Неужто этот юноша способен вместить в своей слабой груди такое пылкое сердце? Первым ее порывом было прижать его к себе, обнять и защитить от всех невзгод. Но кто он ей и кто она ему?

А потом открылось и другое его дарование: рассказывая о своих встречах в парижских салонах, Фредерик преображался. И вот вместо юноши перед ней стоял старик с брезгливо оттопыренной губой, которого сменила всем известная львица с надменным выражением лица, затем юная капризная дева, затем генерал - солдафон, способный воспринимать только звуки барабана, под которые маршируют новобранцы. И вместе с тем Фредерик оставался собой. Никакая гримаса не могла испортить этого утонченного лица!

Гости веселились, угадывая, о ком идет речь. Аврора заразилась общим весельем. И Фредерик забыл о своем первоначальном намерении вечером поблагодарить хозяйку за гостеприимство и на следующий же день отправиться назад в столицу.

Оба долго не могли уснуть. Аврора впервые услышала музыку Шопена, и сразу признала в нем гения. Гения, нуждающегося в покровительстве. Ее сердце томительно сжалось от жалости и восхищения, нежности и страстного желания уберечь хрупкий талант.

Он сам разорвал семейные узы, или Первый безумный шаг

Аврора не отдавала себе отчета в том, что повторяет прежние ошибки, как это было, когда она, бросив мужа, уехала из родного Ноана в Париж с юным **Жюлем Сандо**.

Ее муж Казимир не понимал, почему супруга, родившая ему сына и дочь, избегает его ласк. Он даже добросовестно пытался читать те книги, которые вызывали у нее интерес. Но его глаза слипались сами собой на второй странице!

При всем своем желании этот недалекий, но добрый малый не мог следовать за ней. Его необразованный, неотесанный и недалекий ум был неповоротлив и медлителен, он не поспевал за полетом ее мысли. Все это вызывало в нем досаду.

Наступил момент, когда Казимир вышел из себя и отвесил жене пощечину, не придав этому ровно никакого значения. Но гордая смуглянка, в жилах которой текла королевская кровь, не

собиралась прощать нанесенную ей обиду! Тем более, что пылко влюбившийся в нее Жюль Сандо, воплотивший мечту Авроры о прекрасном принце, звал ее с собой в столицу. Оскорбление, нанесенное мужем, освободило женщину от принятых обязательств. *«Он сам разорвал семейные узы»*, - сказала себе Аврора.

Чья кровь заговорила в ней в тот момент, - прадеда или матери-актрисы, трудно сказать. Но баронесса собрала вещи и отправилась...навстречу собственному бессмертию. Безумный шаг, который грозил ей позором, стал первой ступенькой на ее пути к славе, быть может, именно потому, что Авророй двигал не расчет. Любовники сидели в Париже без копейки денег. Ей пришлось взять заботы о хозяйстве на себя.

Как возник псевдоним?

Первый роман *«Эме»*, написанный ими вместе, в издательствах отвергают. Перебиваясь статьями и увлекая Жюля за собой, Аврора кое-как сводит концы с концами: оплачивает квартиру и счета из лавочки, где они берут продукты. Второй роман *«Роз и Бланш»*, тоже написанный совместно, они подписали Ж. Сандо. И - о, радость! Его приняли в издательстве!

Окрыленная Аврора уезжает в Ноан к детям, а возвращается вместе с дочерью Соланж, утешая себя тем, что сына Мориса заберет позже.

Ее юный любовник потрясен тем, что Аврора, несмотря ни на что, успела написать третий роман, который она назвала *«Индиана»*. Она заранее радуется тому, что на деньги, полученные от издательства, они смогут прожить несколько месяцев. Но Жюль решительно отказывается ставить свою подпись, потому что не имеет к написанному никакого отношения.

В новом произведении талант Авроры наконец-то звучит в полный голос. Жюль вынужден признать: одна она справилась с задачей лучше, чем это удавалось им вдвоем.

-Но если я подпишусь женским именем, роман никто не станет издавать и тем более читать, - доказывает она своему ревнивому другу.- Ведь издатели знают нас под именем Сандо.

Сошлись на том, что новая книга будет подписана *«Жорж Санд»*.

«Почему я так долго любила его...»

Роман вызвал бешеный успех! Головокружительные страсти вокруг книги еще не успели утихнуть, когда Аврора закончила несколько повестей и еще один роман - *«Валентина»*.

Но странное дело: чем неумомимее работала писательница, а работала она по 12 (!) часов в сутки, тем труднее давалось каждое предложение ее любовнику.

-Тебе стоит нажать кнопку, как сейчас же действует воля, - возмущался он. - У меня нет, как у тебя, стальной пружины в голове!

Трогательный ребенок стал тираном. Избавившись от мелочного и глупого мужа, она теперь была вынуждена терпеть вечно расслабленного, всем недовольного Жюля. Их отношения изжили себя. Аврора снова ощутила себя скованной узами, которые тяготили ее. Но узник, однажды нашедший в себе силы сбросить путы, не станет терпеть другие!

Противоречия натуры Жорж Санд сказались уже в романе с Сандо. В ней отчаянно боролись два начала - мужское и женское. Она была достаточно умна и самостоятельна, чтобы не позволить партнеру подавить ее личность. С другой стороны, она бесконечно желала заботиться о слабом и по-матерински вкладывала в мужчину свои радости и печали. Но не прощала ему малейших слабостей.

Разрыв с «маленьким Жюлем» подарил литературе один из самых откровенных романов Жорж Санд - *«Лелия»*. Он сразу же вызвал скандал, потому что его героиня меняла одного мужчину на другого, поскольку ни один не доставил ей физического удовольствия.

Проза Жорж Санд даже сейчас, в век, когда, кажется, сняты все покровы с сексуальной жизни человека, читается не без эротического наслаждения.

Цитата:

«Почему я так долго любила его... Это было лихорадочное возбуждение; оно рождалось во мне, потому что я не получала удовлетворения... Рядом с ним я испытывала какую-то странную, иступленную жажду, которую не могли утолить самые страстные объятия. Мне казалось, что мою грудь сжигает неугасимый огонь; его поцелуи не приносили мне никакого облегчения. С нечеловеческой силой сжимала я его в своих объятиях и, теряя силы, в отчаянии падала рядом с ним...»

Долгие годы за Жорж Санд следовало проклятие ее героини - Лелии. Многие отождествляли их, а роман восприняли как автобиографию. Но внутренняя суть писательницы, конечно, была многограннее и глубже придуманного ею образа.

Новый мир

На одном из званых вечеров Аврора познакомилась с известной актрисой **Мари Дорваль** и ее другом - поэтом **Альфредом де Виньи**, который ввел провинциалку в мир парижской богемы. Эта жизнь увлекла Аврору, ей открылся новый мир.

Мари Дорваль она боготворила, они часто встречались. Жорж не пропускала ни одного спектакля с обожаемой Дорваль, дошло даже до того, что Санд готовилась отправиться на очередные гастроли подруги в роли камеристки. Их связи отчаянно сопротивлялся муж Мари, ревниво пытаясь изолировать жену от «этой Сафо». Однако безуспешно. Жорж прощала коварной актрисе даже откровенные предательства и наговоры. И дружба их сохранилась до самой смерти Дорваль в 1849 году.

Страсти, кипевшие вокруг книг Жорж Санд, помогали им хорошо расходиться. Издатели теперь встречали ее иначе: они ждали каждого ее нового произведения. И Аврора выдавала положенные 20 страниц в день, несмотря ни на что! Она писала о том, что волновало ее саму: о женской судьбе. И смело отстаивала права женщин, заключавшиеся не в том, чтобы участвовать в выборах или занимать такое же место в правительстве, как мужчины. Писательница во весь голос заговорила о том, что женщина имеет право на любовь, и что нельзя сохранять семью, если люди не любят друг друга.

С любовью не шутят

Но личного счастья не было, пока в ее жизни не появился красивый, избалованный женским вниманием поэт **Альфред де Мюсси**. Аврора не сразу поддалась своему чувству. Она пережила разрыв с писателем **Проспером Мериме**, который добивался ее два года. Только когда он появился на ступеньках Оперы с маленькой Соланж на руках, которая уснула во время представления, Аврора уступила, ведь писатель готов был принять не только саму Аврору, но и ее детей. Однако, первая же их ночь принесла Мериме разочарование. Его покорила открытость и смелость выражения женщиной своих чувств, полное отсутствие в ней стыдливости. С отвращением он оставил ту, которую так долго стремился покорить. И Аврора, позволившая себе, наверное, в первый и последний раз так горько рыдать, смогла обрести утешение только в работе.

И вот новый поворот судьбы. Изнеженный Альфред де Мюсси явился ей в том самом облике, который способен был тронуть ее сердце больше всего - в облике «порочного ребенка». Отказать ребенку у Авроры не хватило мужества. Романтическое «свадебное путешествие» по Италии обернулось трагическим противостоянием.

Сначала Альфреда, как и юного Жюлья Сандо, раздражала педантичность Авроры, ее обязательность и способность выдавать ежедневно положенное количество страниц. Какими бы страстными ни были объятия любовника, она уходила к себе, чтобы продолжить работу.

Так было со многими мужчинами, которые видели в ее музе грозную соперницу.

Что ж, если перед этой женщиной вставал выбор: Муза или любовник, она неизменно выбирала первое.

Аврора терпела придирки де Мюсси и его выходки. Но случилось неожиданное: она заболела жесточайшей лихорадкой, а потом и дизентерией, еще больше изнурившей ее тело. Она не находила в себе сил отвечать на его нетерпеливые ласки. И оскорбленный в своих чувствах Альфред уходил, хлопая дверью и не думая о том, что его подруга нуждается в уходе.

Потом у него у самого началось что-то вроде воспаления головного мозга. Дикие припадки сопровождались галлюцинациями и бредом. Очередной приступ начался у Альфреда в доме терпимости, потом его принесли в гостиницу. И Аврора, ослабевшая после болезни, принялась ухаживать за неверным любовником со свойственным ей терпением и заботой.

Должно быть, во время очередного приступа галлюцинаций в воображении Альфреда явилась картина, как Аврора отдается на его глазах их общему лечащему врачу Паджелло. Эта выдумка разошлась по всей Европе. Альфреду де Мюсси все сочувствовали, Жорж Санд все осуждали. Но она с достоинством вынесла и эти нападки!

Их роман потерпел крах, но получил продолжение в творчестве каждого из них. Жорж Санд написала во время поездки по Италии роман «**Жак**», в котором блистательно передала свои

впечатления от Венеции. Альфред де Мюсси - пьесу «С любовью не шутят», которая и по сей день не сходит с парижской сцены.

Один из первых бракоразводных процессов во Франции

В жизни Авроры наступил момент, когда ей надо было сделать выбор: продолжать считаться женой нелюбимого мужа или начать бракоразводный процесс. Конечно же, она выбрала второе, и выиграла дело, правда, благодаря помощи известного адвоката **Луи Мишеля**. Он сумел пробудить в ней страсть, но из-за того, что их отношения могли стать достоянием общественности и помешать делу, оба хранили все в глубокой тайне.

Быть может, вначале Жорж Санд, уже привыкшая к тому, что каждое ее очередное увлечение становится предметом обсуждения во всех гостиных, привлекала эта скрытность. Но когда она поняла, что прекрасный, блистательный оратор, человек незаурядного ума на самом деле больше всего боится огласки из-за своей жены, Аврора почувствовала себя оскорбленной, и порвала с адвокатом.

После решения суда родовой замок в Ноане отошел ей и детям. Вот когда ей особенно пригодился трезвый расчет и деловая хватка! Недаром она с детства вникала во все дела. И после того, как отбыл муж, успешно разрушивший налаженное хозяйство, ей пришлось начинать все с нуля. И она сумела добиться своего и начала получать доход с того, что приносило одни убытки при бароне Дюдеване.

Она распахнула двери своего замка, радушно встречая многочисленных гостей. Нуждающиеся литераторы всегда могли найти у нее помощь. Достаток и всемирная слава не сделали ее высокомерной и невнимательной к нуждам других. Хозяйство приносило стабильный доход, и она не скупилась, помогая бедным писателям и родственникам.

«Паломничество в Ноан» совершил даже великий романист **Оноре де Бальзак**. Считая Жорж Санд своей идейной противницей, он, тем не менее, не устоял перед тем, чтобы лично с ней познакомиться. И, несмотря на полную противоположность взглядов, они провели несколько дней в дружеских беседах, как равный с равным. Более того, после возвращения из Ноана, писатель написал один из лучших своих романов «Батриса, или Вынужденная любовь».

Чудо длиною в девять лет

Если бы Аврора не стала писательницей, ее призванием могла бы стать музыка. Это была стихия, без которой она не могла жить. Неудивительно, что, прослышав о новой звезде - Фредерике Шопене, она попросила своего друга Ференца Листа привезти его в замок.

...Никто из них не думал тогда, чем это обернется, и каким долгим станет их роман.

Шопен тоже, как и Бальзак, был полной противоположностью хозяйке дома. Нерешительный, мягкий, сдержанный, он не выносил малейших шероховатостей в обращении, и потому предпочитал вращаться в обществе аристократов, где все отвечало его утонченному вкусу.

Аврору влекли широкие круги народа. Переодевшись в мужское платье, она могла отправиться в рабочие кварталы и получить от беседы массу удовольствия, черпая для своих книг новые словечки и выражения.

У Шопена сама мысль о борьбе, о революции вызывала ужас. Аврору Дюдеван она увлекала и горячила ей кровь.

Жорж Санд постоянно находилась в центре внимания, каждый ее роман вызывал в обществе споры и нападки на автора. И это тоже представлялось Шопену слишком вызывающим. Ничуть не меньше, чем соседей, его шокировала ее манера одеваться в мужское платье, когда она выезжала верхом, и ее привычка курить, и свободное обращение с мужчинами-друзьями, которых у нее было большое число.

Он отдавал предпочтение совершенно другому типу женщин – утонченных, задумчивых, романтически настроенных. И, тем не менее, он не смог устоять перед Жорж Санд: обаяние ее своеобразной личности оказалось сильнее предрассудков! Он полюбил эту необыкновенную женщину с какой-то болезненной силой.

В их взаимоотношениях слабый, ранимый и нервный Шопен исполнял скорее женскую роль. В то время, как Жорж Санд, сильная, энергичная, предприимчивая, рядом с ним выглядела мужчиной. Композитор обрел в ее лице «вторую маму». Его и своих детей она называла - «мои три ребенка».

Медовый месяц зимой 1838 года влюбленные провели на острове Майорка. Врачи советовали Шопену, у которого были слабые легкие, на время оставить вредный для него Париж и пожить на юге. Туда же Аврора повезла и своих детей, тем более, что сын Морис тоже не отличался крепким здоровьем.

Остров пленял своеобразной дикой красотой. Жорж Санд удалось снять старинное полуразвалившееся здание картезианского монастыря Вальдемоза, которое располагалось в совершенно уединенном месте. Она со свойственным ей умением придала нежилым помещениям уютный вид: застелила полы козьими шкурами, завесила каменные стены коврами, индийскую шаль превратила в драпировку для алькова.

После чего села за написание нового романа **«Консуэло»**. А очарованный Шопен принялся импровизировать.

Эта идиллия нарушилась из-за резкого ухудшения здоровья Фредерика, С большим трудом Авроре удалось найти трех врачей для консилиума. Но преодолеть кризис получилось скорее благодаря ее уходу, чем беспомощным советам местных эскулапов. Она отпаивала Шопена козьим молоком, сидела у постели и гладила, как маленького ребенка. От нее исходило тепло, которое возвращало ему силы.

А потом, когда Фредерик уже пошел на поправку, зарядили дожди. Склонный к меланхолии, музыкант впал в полное уныние и не покидал стен монастыря. Так что за продуктами Жорж Санд приходилось добираться одной или вместе с сыном. Ни один владелец самой захудалой гостиницы не желал пускать больного под свой кров из боязни заразиться. Кровохарканье вызывало у них ужас.

Авроре Дюдеван пришлось немало вынести, пока она дождалась, когда установится погода, и можно будет тронуться в путь со своим «караваном».

К ее удивлению, Шопен из Парижа отправился вместе с ними в Ноан. Прирожденный горожанин, он терпеть не мог деревню, но поместье Дюдеван он полюбил настолько, насколько вообще мог любить сельскую жизнь. Хорошая еда, свежий воздух и заботливый уход Авроры поставили Фредерика на ноги. Он вновь мог отправляться на прогулки, и возвращался после них полным сил.

А когда Шопен начинал музицировать, Аврора замирала, как при первой встрече, пристально глядя на него своими бархатными глазами. Ее умение слушать вызывало у него прилив вдохновения, и он писал новые прелестные вальсы.

Когда Фредерик играл, создавалось впечатление, что он писал свою музыку одним росчерком пера. Но на самом деле композитор иной раз оказывался в состоянии полного изнеможения, пытаясь довести композицию до совершенства. Он сидел в комнате, писал и рвал нотную бумагу, снова писал и снова зачеркивал все, пока не оказывалось, что он вернулся к первоначальному наброску, который и был единственно верным.

Аврора, которая работала совершенно по-другому, умела убедить Фредерика вовремя остановиться, находила нужные слова, когда музыкант оказывался в тупике, и он переставал изводить себя. Иногда она просто уводила его на прогулку, и он возвращался совершенно обновленным, обретал утраченное равновесие.

Самая яркая страница биографии

Прошло почти девять лет со дня их знакомства. И эти годы Шопен прожил каким-то чудом! В обществе не раз разносился слух о его смерти.

Но, в конце концов, Фредерик стал для Жорж Санд слишком тяжелой обузой. Она понимала его, любила его музыку, готова была слушать его столько, сколько он пожелает. А он так и не удосужился прочесть ни один из ее романов. У нее были свои творческие планы, и она не могла ограничиться ролью сиделки у постели больного.

По ее словам, она никогда не заводила параллельных романов, потому что, полюбив, отдавала избраннику свое сердце целиком. И когда ей случалось увлекаться кем-то, это происходило в тот момент, когда прежнее чувство уже исчерпало себя.

Оберегая музыканта от чрезмерных нагрузок, Аврора стала отказываться от физической любви. Фредерик выдержал и это унижение. Этот гордый человек, избалованный вниманием, вынужден был усмирять свою ревность.

Появление нового романа Жорж Санд **«Лукреция Флориони»** вызвало очередную волну сплетен. Герой книги, изнеженный аристократ Кароль влюбляется в известную певицу, у которой было

трое детей от разных мужей. Многие сочли Шопена прототипом Кароля, хотя сама Жорж Санд решительно отрицала какое-либо сходство.

- Семь лет я живу, как девственница рядом с ним, - писала Жорж Санд. - Знаю, многие люди обвиняют меня, что я его измотала необузданностью чувств. А он, он жалуется мне, что я убиваю его своими отказами...

Она привыкла к тому, что о ней сочиняют самые невероятные истории и приписывают самые страшные пороки. И первыми запевалами в этом хоре осуждения чаще всего выступали покинутые ею любовники. Они словно находили утешение в том, чтобы облить грязью ту, что с такой искренностью открывала им свое сердце. Многие из них не в состоянии были пережить перенесенное унижение и в творческом, и в человеческом отношении. Аврора давала больше, чем брала, и это ставило ее, даже помимо собственного желания, на несколько ступеней выше. И тогда мужчины падали еще ниже - они начинали сплетничать о ней.

Шопен повел себя благороднее многих других. Их окончательный разрыв произошел из-за дочери Авроры - хитрой интриганки Соланж, которая не испытывала никаких угрызений совести, кокетничая с Шопеном и настраивая его против матери. Она умело ссорила Фредерика с легкомысленным Морисом и сама порождала сплетни, больно ранившие самолюбие гордого поляка.

В Ноане воцарилась удушливая атмосфера недоверия и враждебности. Шопен уехал в Париж. Но и там Соланж, уже выйдя замуж за известного скульптора, продолжала сыпать соль на его и без того раненное самолюбие, нашептывая вымышленные истории об очередных увлечениях матери.

В итоге Жорж Санд, поссорившись с Соланж в очередной раз, отказала той от дома и потребовала, чтобы Шопен сделал то же самое. Но он отказался. Выступил против. Так состоялась первая и последняя ссора в их жизни.

Они разошлись не потому, что разлюбили друг друга, просто жизнь оказалась сильнее их хрупкого чувства. В молодости Жорж выступала за свободную любовь, но теперь, когда ей было 42, она с грустью признавала, что мелкие ссоры разрушают даже истинные союзы и только брак может спасти любящих. Шопен уехал из Ноана, не вынеся недостаточно чуткого отношения окружающих к их отношениям. Он был далек от мысли, что уезжает от Жорж навсегда, но Соланж и ученица Шопена - Мари де Розьер - смогли настроить доверчивого композитора против Санд.

Для писательницы разрыв был лишь формальностью. Внутренне она уже была свободна от изжившего себя чувства. Ее творческая жизнь оставалась такой же насыщенной.

А вот Шопен не смог пережить разлуки. С той минуты, как он покинул Жорж Санд, великий музыкант не написал ни строчки. Словно это не женщина, а сама муза оставила его.

Тем не менее Аврора продолжала вести себя по отношению к покинутому любовнику, как мать: сама помогла Шопену собраться и уехать в Англию - для перемены места и для того, чтобы он мог концертами заработать деньги, в которых всегда нуждался, потому что совершенно не умел их тратить и был не в состоянии откладывать хоть что-то на черный день.

Они увиделись в последний раз в 1848 году у общих знакомых. Жорж пожалала его холодную руку, она хотела говорить с ним, но Фредерик скрылся. Он сбежал по лестнице и бросился прочь.

Из Англии Шопен вернулся настолько больным и слабым, что его камердинеру приходилось носить музыканта от инструмента к постели. Узнав о тяжелом состоянии своего бывшего возлюбленного, Жорж Санд отправилась его навестить, но близкие друзья Шопена решили вмешаться. Они боялись, что встреча окажет на музыканта слишком сильное впечатление и подорвет оставшиеся силы.

Фредерик угасал на глазах и очень скучал по своей Авроре. Когда понял, что ему осталось жить не дни, а часы, то с горечью произнес:

- Она говорила, что не даст мне умереть без нее, что я умру у нее на руках...

Жорж Санд не дали исполнить свое обещание.

Многие обвиняли ее в том, что по ее вине погиб прекрасный музыкант. Но на самом деле именно благодаря ее заботам Шопен сумел побороть природу и продлить отпущенный ему век.

Поскольку в их отношениях Жорж Санд отводилась роль мужчины, то она первой и начала отдаляться. Разрыв был неизбежен. И Шопен сам разомкнул последнее звено. Усилие, которое ему пришлось совершить для этого над собой, казалось, подорвало его силы навсегда.

Композитор умер в 1849 году, 160 лет назад. После смерти ему установили памятник, на передней стороне которого была изображена плачущая муза, у ног которой лежала разбитая лира.

Муза Шопена действительно со всей скорбью оплакала ушедшего из жизни музыканта. Но лиры своей она разбивать не стала.

Жорж Санд суждено было написать еще много романов, пережить взлеты и падения. Но история ее любви к Шопену все же осталась одной из самых ярких страниц биографии этой замечательной женщины.

Жорж Санд при жизни познала вкус славы. Без преувеличения можно сказать, что для Франции 19 века она стала законодательницей мод в убеждениях и идеях. Она испытывала безотчетную симпатию к бунтовщикам и сама по внутреннему зову души ломала всякие устои. В ней билось столько живого трепетного естества, что его никак нельзя было заключить в какие бы то ни было рамки! Она не являлась феминисткой, никогда не требовала для женщины политического равенства. Но она говорила, что женское сердце должно навсегда остаться убежищем любви, милосердия и терпения.

-В жизни, полной грубых чувств, именно женщина должна спасти христианский дух милосердия. Мир, в котором женщина не играла бы этой роли, был бы очень жалким.

Литература:

- 1.Зенкин С. Диалогия о Консуэло. // Санд Ж. Графиня Рудольштадт: Роман/ Пер. с фр. Д. Лившиц.- М.: Дом. 1993.- Стр. 488-495. (Сер. «Семейный роман»)
2. Лилеева И. Два романа Жорж Санд//Санд Ж. Мопра. Орас.- М.: Изд-во «Худ. лит», 1974.- Стр.5-20. (Сер. «Библиотека всемирной литературы». Т. 107)
3. Семашко И.И. 100 великих женщин/ И.И. Семашко. - М.: Вече. 2006.-Стр.173-177. (Сер. «100 великих»)
- 3.Синицина Л. Жорж Санд (1804-1876)// Женщины, любившие женщин.- М.: Олма-Пресс.-2002.- Стр.70-88.